

Нариман Джасанзаде

ЯС В А М И

С П

Ҳариман
Тасандаде

НАРИМАН ГАСАНЗАДЕ

Ясвами

СТИХИ

и
ПОЭМЫ

Перевод с азербайджанского

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
КИТ. БХАНАСЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1961

1-74769

894.362-1

СМОТРЮ НА ФОТОГРАФИЮ

а фотографии старой
Снег косматый идет.
Красная площадь бела.
Бел и угрюм Мавзолей.
Люди всех наций

и возрастов,
Седой от снега народ —
Томительная вереница
Безмолвных,
Скорбных людей.

Кто в бурке,
Кто в модном реглане,
Кто в кепке, кто в черном платке,
А кто в тибетейке пестрой,
А кто и простоволос...
Траурно черны ели.
Огни горят вдалеке.

Курит клубящимся паром
Нестерпимый мороз.
У дверей Мавзолея
Два солдата стоят.
Оба — мои ровесники,
Оба вооружены...
Друг мой,
Тебя ведь тоже
Недавно звали: солдат.
Друг мой,
И мы с оружием
Стояли на страже страны!
Белая Красная площадь.
Седеющий Мавзолей.
Горестный и озабоченный,
Молчаливый народ.
Мне кажется,
Что я — с ними,
Что я среди этих людей.
Что черного горя снег
Белым пламенем жжет.
Сойдя с бакинского поезда,
Со всеми шагаем мы,
И прячет глаза итальянец,
И плачет, не прячась, швед...
С различных концов планеты
Под небом русской зимы
Идут различные люди,
И нету конца им,
Нет.

РОДНЫЕ МЕСТА

Ах, водитель, тормози скорей!
Упаду я в сочную траву,
Затеряюсь среди седых полей,
Ежевика за рекой нарву,

На гору орлиную взбегу,
Задыхаясь,
Погляжу вокруг.
Постою один на берегу,
Изомну, как шаль,
Росистый луг.

Хоть садовник белоглавый строг,
Веточку из сада унесу,
И запутаюсь в клубке дорог,
И опомнюсь где-нибудь в лесу.

Встречу на тропинке пастуха,
Угостит бараньим сыром он.

Будет ночь прозрачна и тиха,
Будет близок ясный небосклон...

Снова я, как в юности, готов
У костра степного
В звездный час
Слушать прозу мудрых стариков,
Языку поэзии учась...

Поутру на хлопковых полях
Белый снег и солнце —
Благодать!
Укротив стремительный свой шаг,
Руки женщин буду целовать.

Друг нетерпеливый,
Не спеши:
Приглашают нас мои друзья,
Потолкуем с ними от души —
Обижать приятелей нельзя.

Вон Аракс,
Измаянный весной,
В пене, словно загнанный скакун,
К Каспию бежит,
Гудя волной,
Вечно целеустремлен и юн.

Тропы ввысь уходят,
В облака,

Словно строки Балаша,
Али¹...
Песня, точно вольная река,
Связывает крепко две земли.

Родина моя!
Где б ни был я —
Ты, как мать,
Зовешь меня и ждешь...
Здесь не воду пьешь ты из ручья —
Вдохновение хмельное пьешь!

Здесь мне и привольно,
И светло.
Здесь повсюду у меня друзья.
И куда б меня ни занесло —
Стих мой здесь,
А стих мой — это я.

---

¹ Балаш Азероглу, Али Тудэ — южно-азербайджанские поэты.

ШУШТЕР¹

Кямилю Мехтиеву

Оставил я нагорный край орлиный,
Родимое село,
Баку родной —
К руинам чужедального Берлина
Был приведен я грозною войной.

В клубящемся тумане потонули
Весенние, веселые поля...
Сраженный в грудь ликующею пулей,
На камни,
Словно камень,
Рухнул я.

И на земле,
Испепеленной, вражьей,

¹ Шуштер — азербайджанская мелодия.

Я до рассвета корчился в крови.
Но я не пролил ни слезинки даже.
Шептало сердце мне:
«Живи... Живи...»

Хороший друг шагал со мною рядом,
Испытанный товарищ фронтовой.
Был наповал убит мой друг снарядом.
А я ушел вперед — со всеми, в бой.

И небо содрогалось от металла,
И горький чад стоял в ночной степи.
Но сердце мне тогда прогрохотало:
«Не плачь, не плачь...
Терпи.
Терпи.
Терпи...»

Я видел,
Как пылали города,
Как обращали в прах селенье танки,
Как черная, кромешная беда
Тускнила светлые глаза крестьянки.

Я видел обещенных девчат
И слышал женский вопль
И плач ребячий,
И яростно сжимал я автомат,
И сердце говорило:
«Не заплачешь...»

Но вот однажды,
В городе чужом,

По радио услышал ненароком
Я звон кямана...
Как он был знаком!
Как сладко тосковал он о далеком!

Мелодия нехитрая вела
Меня по площадям Баку родного,
Я брел горбатой улочкой села,
Я шелест волн каспийских слышал
  снова...

То День победы был — веселый день.
И небосвод был синь и беспечален.
Но вспоминал я горе деревень,
И девушек, бредущих среди развалин,

И гибель друга, павшего в бою,
И фронтового бездорожья слякоть,
И боль,
И рану первую мою,
И то, как я крепился,
Чтоб не плакать...

И, оглушенный дробью воробья,
Закат сверкал,
Багряный, словно знамя.
И радовался я.
И плакал я
Счастливыми и горькими слезами.

БЕЗЫМЯННЫЙ РОДНИК

Как вода твоя вкусна, холодна, родник!
И прозрачен ты до дна... Как ты здесь
  возник?

И кто пестует тебя? Ни души кругом.
Пью и пью твое вино — и ладонь ковшом.
Оторваться трудно мне — я душой приник
К серебру твоей струи...

И сказал родник:
— Раз уж ты пришел сюда — слушай:
  с давних пор

Незамеченным струюсь я среди этих гор.
Здесь я пел и здесь сверкал лишь для
  этих скал,

Я из-под корней цветов чистым вытекал —
Словно девушки слеза, вод моих кристалл.
Если путник не придет — зря бежит струя,
Если так вся жизнь пройдет — тщетна
  жизнь моя.

Я задумался — такой сладости вовек

Не пил я из родников иль из горных рек.
Есть источники — у них звонки имена,
Но вода их не вкусна и порой мутна.
А вот ласковой струе, чистой,
                                что кристалл,
Даже имени никто до сих пор не дал!

ПЫЛЬНЫЕ ДОРОГИ

Пастух запел, и бич взлетел крылатый,
И по селенью из конца в конец
Проходит стадо.

                                Важный и лохматый,
Шагает пес — хозяин всех овец.

А верховой, заботясь о ягненке,
Везет его с собой на вороном.
Малыш ведь слаб, ножонки слишком
                                тонки,
И вот ему хурджин¹ — походный дом.

Не скрыться людям от дневного жара.
В степи желтеет сохнувший ковыль...
И все идут, идут, идут отары,
И все клубится по дорогам пыль.

---

¹ Х у р д ж и н — сумка.

ПОЛЯ

Иду я ровным шагом вдоль канавы
Сам-друг с моею тенью. Пышет зной.
Куда я ни взгляну — налево, вправо, —
Огромный мир раскинут предо мной.

Поют девчата о любви жестокой.
Поля, как строфы, — строем у реки.
Ряды хлопчатника лежат, как строки,
И капля пота — точка у строки.

Столбы как восклицательные знаки.
Разлиновали небо провода.
То на селения ведут атаки
Стремительно и бурно города.

Вот на горе еще гора — из хлопка,
Она, как шапка снежная, бела;
Мы возвели ее. Вот в скалах тропка,
Но скалы-то природа возвела.

Поодаль девушка, и взгляд знакомый
Нетрудно среди тысячи узнать.
На ней платок — как память детства,
Такой калагай¹ носила мать.   дома,

Твои шипами раненные руки,
Обветренные девичьи черты —
Их знает город, знает «храм науки»,
Хоть в городах и не бывала ты.

И я тебя увидел на портрете
Такой же точно, как в родном селе.
И, гордый за тебя, я строки эти
Слагал, узнав твой облик там, в Кремле.

Был съезд писателей. Перед другими
Портретами стояли земляки,
А я своей односельчанки имя
Вправлял в певучий, мерный строй
строки.

¹ К а л а г а й — шелковый платок с бахромой и национальными узорами.

* * *

Щебет, птичья возня в сосняке,
О земля, без конца ты и края...
Я по лесу иду налегке,
Я по русскому лесу блуждаю.

Вот вздохнула под ветром сосна.
Величава она и красива!...
На солдата похожа она,
Берегущего землю России.

МРАМОРНАЯ ПЛИТА

Вот иду я по площади Красной
Мимо елей, знакомых давно.
Не спокойно иду, не бесстрашно —
Снова гордостью сердце полно.

Крошки хлеба бросаю влюбленно
Голубям, что летают вокруг.
Вижу нежную зелень газонов —
Разбивал их неведомый друг.

Вынув руки свои из карманов,
Я к могильной плите подхожу.
Здесь лежит Нариман Нариманов.
Что я людям о нем расскажу?

Был он витязем мудрым и сильным:
Как враги ни глумились над ним —
Он и каторжником, и ссыльным
Оставался с народом своим.

1-74769

Как орел, часто спал он на скалах,
Слово Ленина нес он на юг,
На борьбу поднимая усталых,
Исцеляя душевный недуг.

Звал он к счастью голодных и босых,
Не страшился петли палача.
С ним дружили винтовка, и посох,
И уверенный скальпель врача.

У Кремлевской стены есть аллея —
В сотый раз прихожу я сюда,
Где лежит он в тени Мавзолея —
Рядом с Лениным он, как всегда.

ДРУГУ ИЗ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Али Тудэ

Словно братья, мы с тобой похожи,
Добрые соседи,
Земляки —
Темнобровы мы и смуглокожи
И, как камни древние, крепки.

Чужестранцы нам ломали спину,
Словно мост через Аракс-реку.
Разлучили нас.
Но мы — едины
И по крови,
И по языку.

Не в гостях ты у меня,
А дома.
Дружба нам обоим дорога.
Пусть на разных берегах живем мы —
Связаны рекою берега.

ОЧКИ

Бахтияру Вагиб-заде

Вчера на глазах товарища
я увидал очки...
Говоришь, что глаза испортились,
смущенно прячешь зрачки.
Над главами собственной книги
не спал ты много ночей.
Очи хотели сомкнуться,
но ты не сомкнул очей.
Не считай, что глаза испортились,
раз правдивая вышла глава.
Даже ослепнуть можно,
чтоб кому-то открыть глаза.

МАШЕНЬКА

Лет минувших забывать не будем,
С нами все: и радость их, и боль...
О тебе в стихах поведать людям,
Дорогая Машенька, позволь.

Трудишься, я знаю, ты не мало,
И твои заботы не пусты.
Как бы трудно в жизни ни бывало,
На судьбу не жалуешься ты.

В комнате полы ли моешь снова
Иль белье полощешь ты в реке,
Давнего раненья пулевого
Вижу след я на твоей руке.

Машенька, как время пролетело.
Только ты, ему наперекор,
Пули, что в руке твоей засела,
Тонкий посвист слышишь до сих пор.

Отчего же, по какой причине,
Ведь была ты храброй — не секрет,
Как у безымянной героини,
У тебя медали даже нет.

Не печалься.

О тебе мы судим
По любви, что родине верна.
И к тому же ты на радость людям
Сердцем золотым награждена.

НЕ ОДИН НАЙДЕТСЯ ДРУГ

Переводят в часть другую,
Путь, выходит, мне далек.
Все что надо упакую
Плотно в вещевой мешок.
Выстиран и пригнан ловко
Складный воинский наряд,
И со мной моя винтовка.
Ведь недаром говорят,
Что бойцу она — соседка
И по дням и по ночам.
А стрелок я, право, меткий —
Промаха в мишень не дам,
А и дам, так очень редко.
И куда б я ни пришел —
С ней в кровать и с ней за стол.

Переводят в часть другую.
Загрустил невольно я —
Память сердца сберегу я,
Не забыть мне вас, друзья.

Пусть недавно все мы вместе,
Ближе нет у нас друзей:
Все мы — стражи славы, чести,
Мощи родины своей.
Слушаю слова участия,
И крепки пожатья рук:
— Не горюй — и в новой части
Не один найдется друг!

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ

Племяннице Фариде

Как чинары вытянулись круто!
Как в фонтане светится вода!
Поглядев на зданье института,
Вспомнил я минувшие года.
Вспомнил я лишенья и невзгоды,
Споры у окна на сквозняке.
Вспомнил,
Как ходил четыре года
В латаном и ветхом пиджаке.
О пиджак,
Привычный к разным бедам!
Фарида, отец твой, не ворча,
Мне его украдкой от соседа
Подарил со своего плеча.
Я усвоил странную походку:
Я ступал в ботинках,
Как по льду,

Так ступал,
Чтоб стертые подметки
Не отстали прямо на ходу.
В памяти проносятся упрямо
Светлые минуты из минут:
Вот приходит старенькая мама
К сыну
Из деревни в институт.
Здесь со мной дружило вдохновенье,
Хоть и грустно делалось всерьез:
Напечатал я стихотворенье —
На газету денег не нашлось.
Помни, Фарид, с восторгом глядя
На меня,
Когда гордишься мной:
Дядю твоего чужие дяди
Ни во что не ставили порой.
Стоило ли знать тебе об этом?
Грусть моя развеялась как дым,
Словно это все случилось где-то
Не со мной,
А с кем-нибудь другим.
Ты стоишь на жизненном пороге,
Будет жизнь,
Как лестница, крута.
Фарид, нелегкие дороги
Сильным выпадают неспроста.

ДРУЗЬЯМ ПО ПЕРУ

*Выпускникам Литинститута
имени Горького*

Приехать в гости к каждому нельзя...
О, как без вас тоскую я, друзья!
Гулял бы я, Джабар,
До темноты
По улицам твоей Алма-Аты.
С тобой, Медея,
Позабыв про страх,
В грузинских появлялся бы горах.
Мой друг Паруйр!
С тобою мы в туман
Пересекли бы вспененный Севан.
Встречаться часто нам не суждено...
О, как мы вместе бегали в кино!
По подмосковной мы брели пыли
И споры бесконечные вели!
Мои друзья по духу и перу!

В своих стихах слова я подберу,
Слова такие,
Чтоб моя строка
Дошла до ваших мест наверняка.

**ПИСЬМО,
НА КОТОРОЕ Я НЕ ОТВЕТИЛ...**

Своих друзей горячие приветы,
Их письма,
Что лежат передо мной,
Нередко оставлял я без ответа,
И лень моя была тому виной.
Но вот в моих руках конверт измятый,
Тетрадный листик в два десятка строк.
С восхода мать ждала и до заката
Ответа, не написанного в срок.
И в нашу встречу верила упрямо,
И выходила к поезду тайком...
Мне некого назвать, как прежде,
Мамой,
И некому назвать меня сынком.
О, пробудись она хоть на мгновенье,
Поправ любовью смертные права,
С каким неповторимым вдохновеньем
Искал бы я заветные слова!

Дрожит в моей руке конверт измятый,
Не высказать словами грусть мою...
Как будто в детстве
В чем-то виноватый
Я тихо перед матерью стою.

В КУБЕ

Огни мерцают,
Словно фары,
Мигают,
Словно маяки.
Алеют листья на чинарах,
Как будто детские флажки.
Белы вершины, как бумага,
Любая выглядит кульком.
Оттуда,
С древнего Шахдага,
Холодным тянет ветерком.
Цветы не сдерживают дрожи,
Пугаясь гибельных оков.
Седеют брови у прохожих,
Черноволосых земляков.
Ложится вечер мне на плечи,
И я благодарю судьбу
За то,
Что привела под вечер
Меня в чудесную Кубу.

РОДНОЙ НАРОД

Над селами — огней зарницы,
Гудят электропровода.
Оставь путевку за границу
И загляни, поэт, сюда.
Ступи на росные ступени,
В окошко постучись чуть свет.
Любой колхозник выйдет

в сени:

— Добро пожаловать, поэт! —
В дому,
Где ты ни разу не был,
Почтительно и не спеша
С хозяином нарежешь хлеба,
Попьешь из одного ковша.
Стараясь сдерживать

волнение,

Пройдешь на поле
В летний зной, —
Проснувшееся вдохновение
Расправит крылья над тобой.

И ты под синью небосвода,
Земных исполненный забот,
Напишешь песни для народа,
И песни запоеет народ.

МОГИЛА МАТЕРИ

И летнею,
И зимнею порой
Я прихожу к могиле под горой.
Я оставляю у ее плиты
Печальные и скромные цветы.
О, тихая могила под горой!
Ее поток обходит стороной.
И ветер,
Долетевший из степей,
Не свищет и не мечется над ней.
Мне в снежный день,
Промерзшему насквозь,
Могилу эту выкопать пришлось.
В руках я дрожь удерживал едва,
Когда писал прощальные слова:
«Моей любви и боли не унять,
Я навсегда в земле оставил мать.
И поручаю вам, идя на бой,
Эй, горы, охранять ее покой!»

И НА ГОРАХ БЕЛЕЕТ СНЕГ

Поэт, как рано поседел ты!

Самед Вургун

Ты рано поседел, поэт?
Прочтя твой грустный стих,
Самед,
Я проклял злой закон природы:
Как быстро пролетают годы!
Но голос сердца дал ответ:
Что клясть напрасно жизни бег?
И на горах белеет снег!

С любимой мы слова печали
В стихах поэта прочитали,
И видел я в ее глазах
Перед грядущим смутный страх.
Но как заклятье мы шептали:
За годом год, за веком век,
И на горах белеет снег!

«Ты рано поседел, поэт!» —
Прочел я матери. Нет, нет!
Поспору в этом я с Вургуном —
Для нас всегда он будет юным:
Пусть проживет хоть до ста лет,
Не постареет он вовек —
И на горах белеет снег!

Из памяти я извлеку
Поэта грустную строку, —
И протестует стар и млад,
Все как один мне говорят:
Ответь поэту — прочь тоску!
Стихи живут за веком век.
И на горах белеет снег!

СТРЕМЛЕНИЕ

Эйлаги¹ Лерика, цветник мой любимый,
Луга заливные я все исходил.
Нередко спасался я, зноем палимый,
Прохладой твоих родников, Джебраил.

Встречала, разверзнув ущелья-объятия,
Меня Карабаха седая земля,
Аракс беспокойный успел увидеть я,
Что мчится границею, степи деля.

А вечер в Сальянах — поэзия, счастье,
Пожатие рук и родные глаза.
О, если бы знали, как часто, как часто
Я вас вспоминаю, сальянцы-друзья.

Я, полный стихов, покидал буровые,
Меня электричка несла с промыслов.

¹ Эйлаг — пастбище.

Баку... Непрестанные ветры степные...
Баку... Аромат апшеронских садов...

И трубы, и трубы... куда ни взгляни ты,
Сплетенья металла — вблизи, вдалеке.
Они протянулись, как длинные нити,
Как жилы на крепкой рабочей руке.

Я думаю часто: как много прекрасных
В отчизне родимой нашел я друзей.
Я их полюбил и стремлюсь ежечасно,
Чтоб шла о них слава планетою всей.

ОХОТА

В то утро солнце грело как-то робко
И облака висели надо мной,
Когда я в дальний лес
По узкой тропке
Отправился с двустволкой за спиной.
Вот пень с дуплом, как будто вход
в пещеру,

Похрустывал валежник в стороне.
И вдруг навстречу мне
В папaxe серой
Лесник на сером выехал коне.
— Эй, дорогой, ты встал сегодня рано
Искать здесь то, чего и не терял!
— Хотелось нынче выследить фазана,
Вы не сердитесь, дядюшка Зейнал! —
Не ведавшая горя и тревоги,
Кукушка счет пророческий вела.
Лесник вздохнул задумчиво и строго
И соскочил с высокого седла.
На сук накиннул узкие поводья,

Заговорил,
Как будто мне в ответ:
— Давным-давно такой же,
Как сегодня,
Забрезжил над вершинами рассвет.
На зверя я охотился по следу,
И зверь бежал все дальше,
Мной гоним.
На этом месте встретил я Самеда,
Под этим дубом мы сидели с ним.
Я на него поглядывал украдкой,
Висели наши ружья на ветвях.
Мы жарили с поэтом куропатку,
Мы спорили о жизни и стихах.
Прохлада обнимала наши плечи,
Разлука предстояла впереди.
Договорились мы о новой встрече,
И на прощанье
Он сказал мне: «Жди!»
С тех пор привык смотреть я на дорогу,
А гостя моего все нет и нет... —
Лесник вздохнул задумчиво и строго,
Вздохнул и я — мне вспомнился Самед.
Прохлада обнимала наши плечи,
Вдали шумела бурная река...
К себе домой вернулся я под вечер,
Запомнив путь к сторожке лесника.

* * *

Бродя по берегу с тобой,
Мы видели однажды —
Стояла ива над водой,
Измученная жаждой.

Хотя до кончиков корней
Она в воде стояла,
Тянулась ива, словно ей
Воды не доставало...

Склонялась ива над водой,
И я подумал с грустью:
Хоть неразлучны мы с тобой,
Вот так к тебе тянусь я.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отразилась в речке четко
Солнца круглая мишень.
На траву летит пилотка,
На траву летит ремень.
Дремлют ветры на пригорках,
Бродят грозы вдалеке.
Парень скинул гимнастерку,
Парень плещется в реке.
А над ним по старой дружбе
Соловьи в садах звенят.
Человек пришел со службы,
В отчий край пришел солдат.
Не был он в чужих пределах,
Не пугал огнем других.
Кончил службу — сделал дело,
Сдал оружие в тот же миг.
Он,
Стерегший терпеливо
Край родимый от беды,

Смотрит с гордостью на нивы,
На цветущие сады.
Он широкими шагами
Переходит через луг.
Обнимается с друзьями
И приветствует подруг.
И заводит разговоры
С каждым встречным земляком,
И его ласкают горы
Отсыревшим ветерком.
Снова радостно и снова
Раздается тут и там
Замечательное слово,
Наше теплое «салам».

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

Хлопьями падает медленный снег.
Медленно солнце идет на ночлег.
Липы и клены, березы и буки
Жалобно вскинули голые руки,
Словно жалуются небесам —
Ой, помогите же, холодно нам!
Сосны и ели, не зная печали,
Кутают плечи в пушистые шали.
Ветры нам с севера стужу несут.
Хрупкою коркой подернулся пруд.
Люди, знакомы с повадкой грубой
Лютой зимы, одеваются в шубы.
Но не грущу я, морозам назло,
Что лучезарное лето прошло:
Пусть пролегли меж домами
  сугробы, —
Мы ведь, любимая, молоды оба.
Лыжи заранее мазью натру,
Завтра к тебе постучусь поутру.
Встань, посмотри же — погода какая!
Будем кататься с тобой, дорогая!..

ДВА АШУГА

Играл и звонко пел ашуг,
И чудилось — поют не струны,
А пальцы быстрокрылых рук,
Не голос — сердце.
  Был он юным.

Другой был опытен и стар,
И песнь была как зрелый колос.
В словах струился прежний жар,
Но потускнел поэта голос.

Катился пот с его лица,
И оборвал он песню сразу...
Казалось, даже саз певца
Завидовал второму сазу.

Прервав усталых пальцев бег,
Ашуг сказал струнам: молчите!
Так отдал первенство навек
Ученику его учитель.

И по морщинистым чертам
Скользнуло горе темной тенью —
Тот, кто не сдался мастерам,
Перед юнцом склонил колени.

И улыбнулся ученик,
И было все в улыбке смутной:
И состраданье (сдал старик!)
И проблеск радости минутной.

. . . . .

Так и орел орлят учил
Отваге, бою и охоте,
И в первый раз не стало сил —
И он отстал от них в полете.

ВОССТАВАНЕ

* * *

Передо мной струится Сетунь
В сплошном текучем серебре.
Поэта сердце, ты не сетуй,
Тоскуя по родной Куре.

Так, Закавказья сын по крови,
Порой гоню я прочь тоску,
Грустя в Баку о Подмосковьё,
Как в Подмосковьё о Баку.

К Москве ли сердцем прикипая
Иль к милой южной стороне,
Я и в разлуке с ними спаян...
Но кто там вспомнит обо мне!..

РАССТАВАНЬЕ

Амирхан, товарищ мой,
Собирается домой.
Кончен службы срок. Пора.
Койку с самого утра
Чин по чину он убрал, —
Шутка ли: три года спал!
Он и рад, он и не рад.
На казарму бросил взгляд,
Пуговицы целый час
Чистил, словно напоказ,
Взял он на руки шинель...
Под окном знакомцу ель
Закивала: добрый путь!
Но порог перешагнуть
Не спешит мой Амирхан:
Он поставил чемодан...
Что же с ним случилось вдруг?
Вновь он жмет десятки рук,
Словно крикнуть хочет: я
Сердце здесь забыл, друзья!

* * *

Пришел я усталый
на берег родной реки.
О тайнах мальчишских
шептались со мной тростники.
Я странствовал много,
я видел и смерть, и горе.
Родная речушка
дороже чужого моря.

ДОЧЬ МОЯ

Хной тебе помазали ладошки
И в кудряшки ленту заплели.
По ковровой ты идешь дорожке,
Ножки отрывая от земли.

Слово «папа» первым словом было —
Маму ты обидела слегка...
Ну — засмейся,
Мой чертенок милый,
Ну — быстрее, догоняй щенка!

Первый зуб во рту твоём заметя,
Для тебя хадик¹ сварила мать...
Самый светлый свет на белом свете,
Девочка моя,
Давай играть!

---

¹ Хадик — кушанье из гороха или пшеницы.
Его варят, когда у ребенка появляется первый зуб.

Мишка больше,
Чем сама хозяйка,
А слоненка трудно и поднять.
Ну — лови, девчонка,
Не зевай-ка!
Не поймала мячик ты опять.

Только чур, не плакать спозаранку!
Пляшет зайчик солнца на столе...
Весел я:
Одной азербайджанкой
Стало больше на моей земле!

ПОГОНЫ

Мой племянник (звать Эльдар)
Не скажу, чтоб очень стар:
Лет ему — ну, пять, ну, шесть,
Можно их по пальцам счесть.
А когда был вовсе мал
Мой Эльдар, его таскал
Я, мальчишка, на руках.
Мы теперь не в тех годах:
Он уже тяжеловат,
Я, глядишь, уже солдат:
Пряжка солнышком блестит
На шинели, бравый вид...
В пару новеньких погон
Мой племяш давно влюблен.
Я ему приладил их,
Он в восторге, он притих:
Глаз не сводит с плеч своих...
Был бойцом его отец.
С боем из конца в конец

Он прошел родимый край,
И погоны то и знай
Выцветали в малый срок:
Жгло их солнце всех дорог.
И в сырых окопах цвель
Сплошь ложилаь на шинель.
Не свернул солдат с пути,
Продолжал вперед идти.
Выстоял солдат в бою —
В битве за страну свою,
С честью он погоны нес
Сквозь огонь и сквозь мороз.
Хоть ребенок и смышлен,
Многого не знает он.
Он в восторге, он притих:
Глаз не сводит с плеч своих.

НАЗЫМ ЧИТАЕТ СТИХИ

Сдвинуты строгие брови,
Глаза под очками горят.
Густые волнистые волосы
Тронула седина.
Читает стихи Назым,
Мой старший товарищ,
Мой брат.
Тревогой большого сердца
Комната озарена.
Читает турецкий поэт
О спутнике,
Мчащем неистово,
Только что совершившем
Восьмитысячный оборот.
О Луне прирученной,
О Земле норовистой,
О Человеке упрямом,
Идущем только вперед.
Назым читает стихи

О гибкой пляске форели,
О кровавой повязке алжирца,
Красной,
Как гневный стяг,
О розе анатолийской,
О черном полночном ущелье,
О золотокозой девушке,
О незваных гостях.
Читает мерно Назым,
А в голосе — боль и тоска:
Тяжелою ношей горя
Согнут бедняк Мехмед.
И кажется,
Что в руках —
Не белый квадрат листка,
А сердце горящее держит
Вдохновенный поэт.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Темницы узкие нас встретили
Прибоем мертвой тишины.
Как онемевшие свидетели —
Четыре черные стены.

Здесь рано индевели головы,
Здесь царствовал холодный тлен.
Ни смеха,
Ни словца веселого
Вовек не слышал камень стен.

Во тьме стирались жизни юные,
Как этих серых плит гранит.
Тоска — угрюмая,
Чугунная —
Цепями посейчас гремит.

Здесь запирали революцию,
Но революция жила,

Она восстала,
Революция,
И кандалы разорвала!

Внезапно от волненья замер я:
Железный стол.
Железный стул...
Здесь Горький ждал рассвета
в камере,
Под низким сводом спину гнул.

Но горьковская слава вольная
Рванулась за порог тюрьмы,
Как огнедышащая молния,
Пробившая плотину тьмы.

И смывает бушующей лавиной
Кровавый быт
И древний стыд.
И крепость хмурая старинная
Как узник прошлого стоит.

СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

Мужчина ходит в старенькой шинели,
Солдатская папаха набекрень.
А под папашой кудри поседели,
А за спиною старость, словно тень.
В зубах неторопливая сигарка,
Обвислые усы
Как два крыла.
— Скажи, отец, в каких сраженьях
жарких
Твоя шальная молодость прошла? —
Старик вздыхает, глаз не поднимая,
И говорит:
— Мне вспомнить есть о чем!
В папаше этой скинул Николая,
В шинели этой шел за Ильичем! —
И снова человек вздыхает тяжко,
И грусть его, как море, глубока:
— Мою папаху целовала шашка,
Шинель прошили пули Колчака! —

Давно бесправье скрылось за метелью,
Цветет наш край,
Свободен и богат.
Не растает с памятной шинелью
Великой революции солдат.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Поэма

— Маленькая девочка моя,
Мой детеныш,
Мой ягненок, баю!
Аленькая веточка моя,
Сердце рада вынуть за тебя я!

Солнышко весеннее мое,
Баю-баю!
Голос мой и зрение мое,
Баю-баю!
Мой рассвет, цветение мое,
Баю-баю...

Сомкнулись ресницы —
Уснуло дитя.
А мне все не спится...
Уснуло дитя.

О, это дыханье! О, шорох пеленок!
Не пойте, о птицы, —
Уснуло дитя.

Но мать напевает,
И люльку качает,
И времени позднего не замечает,
И тихую песней своей немудрящей
Как будто на чей-то вопрос
отвечает.

Подобно зарнице мгновение счастья.
Сменяются засухой жизни ненастья.
Припомнилась матери мать молодая—
И слезы блеснули,
Глаза ее засты...

I

Нет зубов,
Чтоб чурек жевать.
Нету слов,
Чтобы мать позвать.
Ну, малышка, скажи скорее —
Где твоя несчастная мать?

Переходишь из дома в дом,
Переходишь в руки из рук,
И в глазенках под смуглым лбом,
Как звереныш,
Таится испуг.

Эту ямочку на щеке
Целовала, наверно, мать?
Ну ступай,
Поиграй в песке,
Ну иди на ковре плясать!

Ну порадуй маму свою,
Ну порадуй землю мою,
Потанцуй, поиграй-ка, джан,
Про ягненка тебе спою!

Но не пляшешь, ягненок, ты —
Горько плачешь спросонок ты.
Хочешь есть —
И нечего есть.
Сиротинка с пеленок ты.

Мать твоя далеко ушла —
Смерть в сожженном поле нашла.
Пуля жаркая прожужжала,
Как оса
Певуча и зла.

Мать твоя пошатнулась вдруг.
Ты скользнула наземь из рук.
Грохотало черное небо,
И огонь бушевал вокруг.

Мать с трудом открыла глаза,
Напряглась,
К тебе подползла.
Кровь лицо ее обагрила,
Опалила кудри гроза.

Напугалась ты как — невмочь!
Мать свою не узнала дочь.
Дочь-малышка навек запомнит
Ночь войны,
Кромешную ночь!

Мать угасла, точно очаг.
Небо стыло в ее очах.
Сердце крохотное ребенка
Сжал в огромных ладонях страх.

Плачь, малышка!
Рыдай о ней —
Плачь о той, что всего родней.
Кто ж заплачет о ней, ушедшей,
Как не ты,
Ее соловей?

Но не плачешь —
Смолкаешь ты.
Горя не понимаешь ты.
Веришь ты:
Воротится мама...
Мать живет в душе сироты.

Засыпаешь под скрип колес.
Хрипло лает раненый пес...
Мама близко,
Мама вернется
И сцелует звездочки слез...

Если б, если бы это сбылось!

* * *

Грохочут пушки.
Пули ноют.
Бойцы во тьме окопы роют.
Залп.
Покачнулась глыба мрака.
Атака.
Началась атака!

...Узнать бы:
Сколько матерей
Не расцелуют сыновей?
Узнать бы:
Сколько плясунов
Лишатся ног сегодня?..

Огонь и дым
Орудий рев.
Черно — как в преисподней.

Но жаждой света скомкан страх.
В потемках сердце шепчет:
— Выстой... —
Ах, скольких пальцев на руках
Недосчитаются таристы?..

Но вот все вспыхнуло окрест,
И небо обагрилось кровью.

...О, сколько девушек-невест
Наденут завтра шали вдовьи?..

И нехотя встает рассвет.
И просыпается ребенок.
Голодный,
Плачет он спросонок.
Он маму кличет...
Мамы нет.

Маленькая дочка,
Цветик мой!
Ясные глаза свои закрой!

Это было —
«Юнкеры». Беда...
Это никогда не повторится.
Мать твоя
С тобою навсегда.
Спи спокойно,
Опусти ресницы...

II

Когда впервые дочку мать кормила
Тяжелой грудью,
Полной молока,
Земля казалась несказанно милой
И близкими казались облака.

Мать одарила дочку речью звонкой,
Девчурка начинала лепетать...
Но слова «мать»

Из чистых уст ребенка
Не услышала ласковая мать.

Прилежными и нежными руками
Свою дочурку наградила мать.
Но маму с дочкой разлучило пламя.
Дочь не успела мать свою обнять.

Мать губы для улыбки подарила —
Не дождалась улыбки этой мать.
Ногами дочку мама наградила —
Для мамы не успела дочь сплясать.

Мать наделила девочку глазами
И подарила черный шелк волос —
Но не пришлось
Дочурку холить маме
И косы заплетать ей не пришлось...

Война стихала.
Гас огонь упрямый,
Неистовую жажду утоля.
И снова
Стало слышно слово «мама»,
И вновь зерном забредила земля.

А девочка росла вдали от дома,
Училась говорить и понимать,
Но слово «мама»
Было незнакомо:
Она не знала,
Что такое — мать.

III

— Я в детском доме вырастала.
Была стройна я и смугла,
Ровесницею мамы стала,
Но мать догнать я не смогла...

Тебе о ней спою я снова,
Спою о прошлом песню я.
Хоть не поймешь ты в ней
ни слова,
Послушай, доченька моя.

Никто тебя не потревожит.
Усни.
А я тебе спою...
Быть может,
Я была похожа
На маму бедную свою.

Быть может,
Ростом и косою
Была похожа я на мать...
И, в зеркало взглянув порою,
Я не могла тоски унять.

И, волосы густые глядя,
Казалось —
Я ласкала мать.
В моем, слезами полным взгляде,
Пыталась взгляд ее узнать.

Быть может,
Одного покроя
Носили платья мать и дочь...
Перед стеклом холодным стоя.
Я жарко плакала всю ночь.

«Ах, мама, мама!» —
Я шептала,
И, отуманенная тьмой,
Гладь голубая повторяла
Мои черты и шепот мой...

Нет, не была я одиночкой—
Был очагом моим детдом,
Любимою я стала дочкой
Всем матерям в селе большом.

На их коленях я дремала,
И был усталый сон мой тих...
Но именем родимым —
Мама —
Не называла я других.

Я не любила это слово:
В нем, ласковом,
Почти всегда
В те годы горько и сурово
Звенело слово «сирота».

Слыхала я слова иные:
«Отец», «сестренка», «дядя», «брат».

Но где они,
Мои родные?

Чужим тех слов не говорят.
Казалось мне,
Что в целом свете
Так одинока только я.
Тебя ведь не было,
Мой светик,
Травинка вешняя моя.

IV

В счастливый день пришла на белый
свет

Ты, светлая,
Ты, звездочка моя!
Черней бровей на белом свете нет,
А глаз таких и не видала я!

Поет над колыбелью мать, склонясь,
И этой песнею рассвет согрет...
О друг-художник!
Ты счастливей нас:
Поэт не в силах написать портрет.

Два-три штриха я дам тебе,
А ты
Ее на полотне запечатлей:
Ее черты
И строги, и просты,
Услуг косметики не нужно ей.

Коль улыбнется невзначай она —
Две ямочки сияют на щеках.
Она тонка,
Девически стройна,
Две звездочки таит она
в зрачках.

И тушь ее подстриженных кудрей
По белому лицу,
Как по листу,
Струится дерзко,
Подчеркнув смелей
Его слепительную чистоту.

Ах да!
Едва не позабыл сказать:
Она косит.
Немножечко, чуть-чуть...
Но в этом есть особенная статья,
Коль на лицо внимательней
взглянуть...

Ну, что еще?
Зеленой кофты шелк,
Да пуговики на нем —
Как в поле снег.
Вот все, пожалуй,
Что я в ней нашел.
Вот все,
Что мне запомнилось навек.

V

По саду
Рано утром я иду
И женщину
Встречаю я в саду.
Она мне улыбается
Слегка —
Сияет нежной ямочкой
Щека.
А на руке —
Малышка дочка спит.
(Пусть ей вовеки
Не знавать обид!)

По саду я
Цветущему бреду
И девушку
Встречаю я в саду.
О, как она
Печальна и грустна!
Прощается
с возлюбленным

Она.
Призвали нынче
В армию дружка.
Разлука — хоть недолгая —
Тяжка.
А девушка
Не видела войны,
Но беспокойные
Ей снятся сны...

По саду я
Задумчиво иду
И вижу снова
Девушку в саду.
Она с завода:
Перерыв сейчас.
Она улыбкой
Озаряет нас.
И говорит мне
Молодая мать:
— Сдружились мы.
Друг дружке мы под стать.
Всегда втроем:
И плачем,
И поем...
Сроднились мы —
Нас вырастил детдом...

VI

И, молнией внезапной опален,
В глаза мне хлынул синий
небосклон,
И древний мир,
Израненный войною,
Казалось мне —
Издали тревожный стон.
Былое снова кровью налилось.
Я видел горы горя,
Море слез.
Я слышал плач сирот,

Орудий грохот,
Угрюмый рокот отгремевших гроз.

И вспомнил я страданье детских глаз,
И вражья пуля в сердце мне впилась,
И я смотрел на женщин юных этих,
Как раненый
К чинаре прислоняюсь.

И горько я задумался опять,
Что всех сирот войны не сосчитать,
Что поколенье целое
В детдоме
Нашло в те годы и отца,
И мать...

В коляску луч играющий проник,
И девочка проснулась в этот миг,
И молодая мать запела снова,
Склонясь над ней,
Как над ручьем тростник:

— Маленькая дочка, баю-бай.
Мамина отрада, засыпай.
Тоненькая веточка моя,
Звонкий птенчик, глазки закрывай!

И эта песня мне была нова:
Не вслушивался раньше я в слова
Той колыбельной —
Гимна материнства,

Бессмертного,
Как солнце и трава.

А мать все пела,
Радуясь, скорбя,
Не только для дочурки —
Для себя,
Для всех, кто матерей своих не видел,
Бесплотный призрак матери любя...

О сверстница моя!
Сестренка — пой!
Пусть вечно блещет солнце над тобой,
Пусть никогда не знают дети горя,
И пусть никто не будет сиротой.

РОССИЯ ЛЕНИНА ЖДАЛА

Петроград. Стрельбы не слышно
с ночи.
Ни души. И лишь на мостовой,
Грудь в крови, путиловский рабочий,
К фонарю припавший головой.

Словно рухнул памятник,
лежит он,
Распахнулись полы пиджака,
Сердце, как броней, рукой прикрыто,
Тяжела чугунная рука.

Кажется, земля от боли стонет,
Кажется, ее когтями рвут...
Керенский приказ отдал:
«Под суд
Ленина!...»
И — сыщики в погоню...

Ленин — наш!.. И палачам кровавым
Не дожидаться этого суда.

Партия,
Россия

на расправу
Ленина не выдаст, господа!
Бережет его

Россия

пуще,

Чем зеницу ока.

Ленин — наш!

Штабом революции грядущей
Стал в Разливе ленинский шалаш.

* * *

Взят врагом Разлив на подозренье,
И опять скрываться должен Ленин.

Тучи над землей как покрывало,
Ночь такая, что не видно зги.

Раздаются в темноте шаги,

Человек

Сквозь ночь

идет по шпалам.

Ближе, ближе. Постоял на месте.

В тупике желтеют фонари

паровоза

номер двести

Девяносто три.

Машинист спускается с площадки,

Рвется пар, шипя, из-под колес,

— Кто?

— Старик¹!

— Скорее... Все

в порядке. —

Лязгнул буферами паровоз.

Пышет топка паровоза паром.

Вдоль откоса дым ползет, змеист.

Встал с лопатой к топке

кочегаром

Ленин,

всей России

машинист.

* * *

Гельсингфорс.

Сентябрь.

Сквозь сумрак

мокрый

Солнце пробивается уже,

Золотит верхушки сосен, окна

В комнате на пятом этаже.

Рассветает. Ильичу не спится,

Смотрит он в редеющую тьму.

«Капитала» гневные страницы

Сердце растревожили ему.

Как штыком,

разя врагов строкою,

Счет бессонным потерял ночам.

---

¹ Старик — подпольная кличка Ленина.

Злобствуют враги. Ильич спокоен.
Слышен людям голос Ильича.

В Питер и в Москву
Летят, как искры,
За строкой горячая строка,
Письма,
адресованные близким,
Землякам, друзьям —
издалека.

* * *

Не дымит Путиловский...
Подуло
Ветром коммунизма
С баррикад.
Трехлинеек яростные дула
Зимнему грозят.
Лязгают,
как зуб о зуб,
затворы.

Притаились,
замерли дворцы.
Не вошла еще
в Неву
«Аврора».

Коршуньем
каратели-донцы.
Зло сверкают
юнкеров штыки,

— Хлеба!
Мира! —
требуют солдаты.
Хватит!
Не хотят стрелять
брат
в брата —
В питерских
тверские мужики.
Повидавши лиха
на веку,
Люд рабочий,
он
с большевиками.
Пресня оцетинилась штыками,
Взялся за оружие
Баку.

* * *

С Финского залива —
ветер лютый.
В сумраке чуть виден
островок,
Лед трещит,
ломается...
Минута —
И совсем
исчезнет
из-под ног.
Полынья...
Коварен лед осенний.

Человек спешит.
                                Вперед!
                                Вперед!
Ждет его Россия.
                                Это Ленин,
Это
    революция идет.

СОДЕРЖАНИЕ

Смотрю на фотографию. Перевел Д. Голубков . . .	3
Родные места. Перевел Д. Голубков	5
Шуштер. Перевел Д. Голубков	8
Безымянный родник. Перевел Б. Лейтин	11
Пыльные дороги. Перевел Б. Лейтин	13
Поля. Перевел Б. Лейтин	14
«Щебет, птичья возня в сосняке...» Перевел Д. Маркиш	16
Мраморная плита. Перевел Э. Иодковский . . .	17
Другу из Южного Азербайджана. Перевел Д. Голубков	19
Очки. Перевел Э. Иодковский	20
Машенька. Перевел Я. Козловский	22
Не один найдется друг. Перевел Б. Лейтин . . .	23
Годы студенческие. Перевел В. Савельев	25
Друзьям по перу. Перевел В. Савельев	27
Письмо, на которое я не ответил... Перевел В. Савельев	29
В Кубе. Перевел В. Савельев	31
Родной народ. Перевел В. Савельев	32
Могилы матери. Перевел В. Савельев	34

И на горах белеет снег. Перевел Б. Лейтин . . .	35
Стремление. Перевел С. Мамед-заде	37
Охота. Перевел В. Савельев	39
«Бродя по берегу с тобой...» Перевел М. Ландман	41
Возвращение. Перевел В. Савельев	42
Наступление зимы. Перевел Б. Лейтин	44
Два ашуга. Перевел Б. Лейтин	45
«Передо мной струится Сетунь...» Перевел Б. Лейтин	47
Расставанье. Перевел Б. Лейтин	48
«Пришел я усталый...» Перевел Э. Иодковский	49
Дочь моя. Перевел Д. Голубков	50
Погоны. Перевел Б. Лейтин	52
Назым читает стихи. Перевел Д. Голубков . . .	54
Петропавловская крепость. Перевел Д. Голубков	56
Серая шинель. Перевел В. Савельев	58
Колыбельная песня (поэма). Перевел Д. Голубков	60
Россия Ленина ждала. Перевел Ю. Ефремов . . .	75

Гасанзаде Нариман

Я С ВАМИ

М., «Советский писатель», 1961, 84 стр.

Редакторы Г. Г. Регистан,
Г. Г. Кузнецова

Художник С. П. Чахирьян
Худож. редактор Е. Ф. Капустин
Техн. редактор Л. П. Крючкина
Корректор И. В. Симакова

Сдано в набор 10/VII 1961 г. Подпи-
сано в печать 2/XI 1961 г. А-08755.
Бумага 70×92¹/₃₂ Печ. л. 2⁵/₈ (3,07).
Уч.-изд. л. 2,13. Тираж 2100 экз.
Заказ № 1000. Цена 11 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

*Издательство просит читателя дать отзыв
как о содержании книги, так и об оформлении ее,
указав свой точный адрес, профессию и возраст.*

*Библиотечных работников издательство просит
организовать учет спроса на книгу
и сбор читательских отзывов.*

Все материалы направлять по адресу:

*Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

1
74769

